

Беньковская Т.Е. Изучение романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» в методических системах XIX-XX веков // Третьи Международные Измайловские чтения, посвященные 170-летию приезда в Оренбург А.С. Пушкина. 9-10 окт. 2003 г.: материалы. В 2-х частях. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. Ч.2. – С. 153-161.

Беньковская Т.Е.

**Изучение романа А.С. Пушкина
«Капитанская дочка» в методических системах XIX-XX веков**

Последняя повесть Пушкина, неся в себе вечные нравственные ценности, раздумья автора о судьбах народа и нации в переломные моменты истории, явилась своеобразным завещанием поэта будущим поколениям. Поднятые Пушкиным в «Капитанской дочке» проблемы не исчерпали по сей день своей актуальности и значимости. Несмотря на то, что о повести со времени ее выхода в свет написаны сотни литературоведческих исследований, созданы художественные интерпретации в кино, театре, книжной графике, разнообразные системы уроков по изучению «Капитанской дочки» в школе в XIX-XX веках, получив распространение в массовой учительской практике, интерес к ней не иссякает. Повесть по-прежнему тревожит историков литературы, режиссеров, художников, методистов, читателей, вновь заставляет задуматься над тем, что же заставило Пушкина оставить Петербург и по бездорожью устремиться на границу Европы и Азии, где в XVIII веке возник пожар крестьянской войны, почему автор так упорно пробивался сквозь время, восстанавливая истинный характер давних событий, вчитываясь в документы архивов, с особым вниманием слушал и записывал рассказы свидетелей и участников народного мятежа.

Нравственный потенциал, заключенный в пушкинском творении для формирующейся личности, определил его прочное место в школьных программах по литературе XIX-XX веков, что потребовало от ученых-методистов, учителей-словесников поисков таких методов, путей и приемов анализа, которые

могли бы помочь донести до учащихся идейно-нравственный смысл повести, раскрыть ее художественное своеобразие.

Сделанный нами историко-библиографический срез изучения «Капитанской дочки» в школе на протяжении более полутора столетий дает яркое представление о степени влияния событий, переживаемых обществом, идеологических, политических установок, достижений и открытий литературоведческой науки на толкование произведения, расстановку акцентов в его анализе. Вместе с тем он позволяет сделать вывод о том, что в основе анализа художественного произведения в школе лежит авторское видение, авторское сознание методиста, его мировоззренческая и идеологическая позиция.

Так, во второй половине XIX века, когда на передний план выдвигается проблема построения гражданского общества, в школе делается «ставка» на воспитание достойных сынов Отечества, нравственное развитие юношества посредством ориентации на идеалы, которые несет литература, оказывая благотворное воздействие на юную душу.

По типу своего мироощущения В.Я. Стоюнин принадлежал к идеалистам 60-х годов, убежденным в том, что идеалы литературы способны формировать глубоко нравственную личность. Не случайно, обращаясь к «разбору» повести Пушкина, он основную задачу видел в необходимости проследить, «как известная эпоха при определенной обстановке, независимой от личности, могла вырабатывать характеры», что воплотилось прежде всего в становлении и развитии характера Петра Гринёва. В результате чтения и анализа «Капитанской дочки» учащиеся под руководством учителя должны были прийти к осмыслению общей идеи произведения, которая, по мнению ученого, выразилась в следующем тезисе: «любовь может довести до героизма только человека нравственно развитого», каким и предстает главный герой повести, прямой, честный и благородный характер которого проявляется в «столкновении с лицами и в борьбе, вызываемой обстоятельствами» (1, с.73), а также в любви к Марье Ивановне, высвечивающей лучшие качества его души, как человека чести, способного на героический поступок.

В отличие от В. Стоюнина, В.В. Водовозов основную задачу учителя и учащихся при изучении повести видел в осмыслении «Капитанской дочки» как художественного воссоздания Пушкиным исторических событий. Им впервые в методике был предложен сравнительный анализ отдельных сцен и эпизодов романа и «Истории Пугачевского бунта», который до сих пор активно используется на уроках литературы.

В. Водовозов рассматривал характеры не только с общечеловеческих, но и социальных позиций. «И так, в лице отца Гринева мы видим человека, принадлежащего известному времени и известному сословию: он во всем следует обычаям века: в нем соединяются черты отставного военного и помещика. Савельич представляет один из типов старинного дворового человека, усердного исполнителя барской воли», - писал он в работе «Словесность в образцах и разборах» (2, с.128).

В центр «разбора» Водовозов поставил образ Пугачева «как лица, в котором воплотились черты народные, общественные, исторические».

Методист рекомендовал обратиться и к другим историческим источникам, описывающим «пугачевщину», где предстает самозванец, и сравнить их с образом Пугачева, созданным Пушкиным. Он отметил, что в повести Пушкин «приписывает Пугачеву признаки великодушия, которые тот вряд ли мог иметь по своему характеру и положению», с целью выделить в нем «некоторые добрые свойства, принадлежащие вообще русскому народу», однако не всегда это делает правдоподобно.

Иной угол зрения избирает для анализа «Капитанской дочки» В. Фишер, внимание которого привлекает прежде всего психологизм автора в создании характеров. Превращения, происходящие с героями, попавшими в водоворот событий, не являются столь неожиданными, как это может показаться на первый взгляд, - они психологически мотивированы, утверждает он:

«Вначале герои незатейливы и просты, для них поэт не пожалел юмора. Но подвигается Пугачевщина, и происходит на наших глазах неожиданная, но вполне естественная перемена: смешная идиллия становится потрясающей тра-

гедией: смешные и глупые старики становятся героями, мужественно умирающими за отечество, недоросль становится рыцарем, проявляющим такт, самообладание, мужество; бедная бесприданница вырастает в героиню...» (3, с.121).

Методист акцентирует внимание учащихся на «новом завоевании Пушкина»: «он открыл величие и героизм там, где его менее всего ожидали».

Методические системы В.Я. Стоюнина и В.В. Водовозова формировались под влиянием эпохи 1860-х годов, культурно-исторической школы в русском литературоведении, искания которой были связаны с исследованием народного самосознания, становления и утверждения нравственных и общественных идеалов, что сказалось на изучении повести Пушкина.

На выбор В. Фишером иного аспекта анализа «Капитанской дочки», несомненно, оказало влияние «потепнианство» - психологическая школа, прочно утвердившаяся в методике преподавания литературы 1900-1910-х годов XX века.

В 1920-е годы в литературоведении и методике формируется социологический подход к изучению литературы, что, бесспорно, сказывается и на анализе пушкинской повести.

В предисловии к предложенной М.А. Рыбниковой системе вопросов к произведению подчеркивается, что «анализ этот поставлен в связи с социологической обусловленностью автора и его творчества» (4, с.4).

Поэтому значительное место в «разборе» отведено «быту и нравам помещичьей семьи конца XVIII века», «чертам патриархальной простоты в жизни Мироновых и в военном быту крепости», «провинциальной жизни XVIII века», образу «рассказчика из дворянских недорослей» и автору – самому писателю как носителю классового самосознания, свойственного передовым людям его времени.

Наиболее концептуально выстроенные системы уроков, позволяющие выявить идейно-нравственный потенциал пушкинской повести, были предложены в 1950-е годы Н.И. Кудряшевым, Н.О. Корстом, М.Н. Салтыковой, Г.К.

Бочаровым; в 1960-1970-е годы М.Г. Качуриным и М.А. Шнеерсон, Г.И.Беленьким (5). Однако и они несут на себе печать времени.

В представленных системах уроков, получивших распространение в массовой учительской практике в советской школе, «Капитанская дочка» рассматривается прежде всего как историческая повесть, а тема народного восстания, душой которого является Пугачев, как центральная. Поэтому ведущее место отводится проблеме отношения к восстанию Гринева, Пугачева и самого автора, который выступает на стороне Пугачева. Значительное внимание уделяется сопоставлению образов, в том числе автора и рассказчика, языку произведения.

Опираясь на утвердившуюся в литературоведческой науке позицию касательно пушкинского творения, Г.И. Беленький в работе над текстом «Капитанской дочки» обращает внимание на систему образов повести, мотивируя это тем, что «повесть Пушкина – органический сплав социального и морально-этического, конкретно-исторического и общечеловеческого. В общей структуре повести равно необходимы Пугачев и Екатерина Вторая, Гринева и Маша Миронова, Хлопуша и Швабрин, картины восстания и бытовые сцены» (6, с.25). Но главный, центральный герой повести – Пугачев, и главные сцены ее – те, в которых Пугачев присутствует. Поэтому он особое значение придает работе над этими сценами и образом вождя крестьянского восстания. И образ Гринева ученый предлагает рассматривать прежде всего с позиций влияния Пугачева на его «духовное созревание», ибо «ни один человек (кроме Маши Мироновой) не сыграл такой роли в жизни Гринева, как Пугачев».

А.С. Дегожская на заключительном уроке рекомендует прояснить позицию Гринева и самого автора в отношении к народному восстанию, опираясь на авторитетное высказывание Б.В. Томашевского, отвечавшее духу времени и советской идеологии: «Можно сообщить учащимся, что слова о «бунте», произнесенные Гриневым, разделяются автором «Капитанской дочки». Но в каком смысле надо понимать эти слова? Для Пушкина «бунт бессмысленный и беспощадный» потому, что восстание, страшное для дворянства, класса господствующего, стоило огромных жертв народу..., но не привело к ожидаемым ре-

зультатам; оно было жестоко подавлено, и ненавистное народу крепостное право осталось. В существовавшей тогда обстановке Пушкин не находил культурной силы, которая могла бы явиться союзником и возглавить крестьянское восстание. А без этого возглавления крестьянское восстание могло бы вылиться в стихийное разрушительное движение...», - пишет Б.В. Томашевский. За фразой «бунт бессмысленный и беспощадный» «не кроются ни презрение к русскому крепостному крестьянству, ни неверие в силы народа...». Эта фраза лишь выражает, что Пушкин не верил в окончательную победу крестьянской революции в тех условиях, в которых он жил» (7, с.118).

Предлагая ученикам поразмышлять, почему повести Пушкин дал название «Капитанская дочка», А.С. Дегожская рекомендует подвести их к удивившейся в советском литературоведении трактовке, которая, несомненно, так же обедняла, упрощала и выхолащивала авторский замысел: «Назвав повесть «Капитанская дочка», Пушкин привлек внимание цензоров, читателей и критиков к семейной теме произведения, к любовной линии повести и отвлек от «запрещенной» темы – восстания и Пугачева. Этим Пушкин содействовал появлению повести в печати» (7, с.125).

Процессы, происходящие в общественно-политической и духовной жизни страны второй половины 1980-1990-х годов, поиски сил, которые могли бы укрепить нацию, сохранить Россию как великую державу, спасти ее от распада вызвали новую волну интереса к пушкинской повести историков литературы, ученых-методистов, учителей-словесников, стремление к объективному ее прочтению в контексте современной действительности. Тем более что сложившаяся и устоявшаяся трактовка повести «Капитанская дочка» в советском литературоведении и в методике ее изучения в школе в новых условиях обнажила односторонность и прямолинейность оценок, выводов, которые уже «не работали».

В 1990-е годы на страницах журналов «Литература в школе», «Русская словесность» в помощь учителям-словесникам публикуются статьи литературоведческого и методического характера, различные варианты «прочтения» и

изучения повести В.Н. Касатонова, В.С. Хализева, Т.А. Алпатовой, А.Г. Матюшенко, В.Г. Маранцмана и других (см.8).

Драматизм сопоставления Пугачева как человека исторического, наделенного активной волей и завоевывающего, дарующего свободу и волю другим людям (в том числе Гриневу и Маше Мироновой), с человеком частным, верным чести, долгу, традициям, существующим в пределах своей судьбы, собственных чувств и послушным традиционной колее жизни, - вот что определяет композицию повести, смысл ее названия, объективность авторского взгляда и что должно стать, по мнению В.Г. Маранцмана, центром ее школьного изучения.

В.Г. Маранцман впервые в методике обращает внимание на символическую для Пушкина дату окончания работы над повестью – 19 октября 1836 года. Этой датой Пушкин открывал в повести свою позицию единства всех перед лицом истории и «милость к падшим призывал», защищая идею добра. «Не только горечь несет последняя повесть Пушкина. Есть в ней и надежда. И надежда эта кроется в неискоренимости добра в человеческой душе», - пишет В.Г. Маранцман (9, с.243).

Действительно, в повести добро не исчезает бесследно, оно, как талисман, хранит дарящего. Верность Савельича барину оборачивается тем, что Гринев, рискуя жизнью, возвращается во вражеский стан, чтобы вызволить слугу. Заячий тулупчик, в благодарность дарованный вожатому, спасает Гринева от петли. Подаренный уряднику полтинник побуждает его передать Гриневу письмо от Маши во время атаки. Даже императрица включена в этот круг доброты.

В.Г. Маранцман обращает внимание учителя и учащихся и на то, что венчает финал повести царскосельский сад, где происходит встреча Маши Мироновой с императрицей.

Пушкин приводит Машу в свои любимые места, в любимое время года, в мир гармонии и красоты. И это – «попытка поэта в предсмертной трагедии вер-

нуть ясные начала жизни, веру в добрую природу человека, свойственную Возрождению и признанную Пушкиным нормой бытия» (9, с.244).

Предложенная ученым система уроков по изучению «Капитанской дочки» опирается на читательские впечатления школьников и углубляет их с помощью вопросов и заданий, в том числе проблемного и творческого характера, на все сферы восприятия и осмысления романа: его сюжета, композиции, проблематики, образов, идеи, языка и стиля, смысла названия, авторской позиции.

Несмотря на трагизм изображенных событий, в последней повести Пушкина, явившейся духовным завещанием поэта и обращенной не только к современникам, но и участникам и свидетелям будущих исторических эпох с их потрясениями и катаклизмами, утверждается светлая вера в человека, в безусловную ценность его чувств, в неуничтожимость добра.

Примечания

1. Стоюнин В. Руководство для теоретического изучения литературы по лучшим образцам русским и иностранным. – Изд.5-е. – СПб, 1875.
2. Водовозов В. Словесность в образцах и разборах. – Изд.5-е. – СПб, 1885.
3. Фишер В. Учебник по истории русской литературы. – М.: Задруга, 1916.
4. Рыбникова М.А. Русская литература в вопросах, темах и заданиях. – Изд. 2-е, - М.: Мир, 1927.
5. См.: Пушкин в школе: Сб.ст. – М.: Изд-во АПН, 1951; Бочаров Г.К. Система уроков по изучению повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка» //Лит.в шк. – 1952. - № 4; Лахостский К.П., Фролова В.В. Пушкин в школе. – М.: Учпедгиз, 1956; Качурин М.Г., Шнеерсон М.А. Изучение языка писателей. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Учпедгиз, 1961; Беленький Г.И. Методическое руководство к учебнику-хрестоматии «Родная литература» для 7 класса. – М.: Просвещение, 1969; Дегожская А.С. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» в школьном изучении. – Л., 1971.
6. Беленький Г.И. Методическое руководство к учебнику-хрестоматии «Родная литература» для 7 класса. – М.: Просвещение, 1969.
7. Дегожская А.С. Повесть А.С.Пушкина «Капитанская дочка» в школьном изучении. – Л., 1971.
8. Катасонов В.Н. Тема чести и милосердия в повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка» //Лит. в шк. – 1991. - № 6; Хализев В.С. О типологии персонажей в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина //Русская словесность. – 1996. - № 2; Алпатова Т.А. Возвращение мотивов. «Капитанская дочка» в поэтическом мире А.С.Пушкина //Лит. в шк. – 1997. - № 7; Алпатова Т.А. Лиризм романа Пушкина «Капитанская дочка» //Лит. в шк. – 1998. - № 2; Матюшенко А.Г. «Капитанская дочка» А.С.Пушкина: Комментированное чтение //Русская словесность. – 1999. - № 2; Маранцман В.Г. «Капитанская дочка» А.С.Пушкина в 8 классе // Русская словесность. – 1999. - № 5.
9. Маранцман В.Г. Изучение творчества А.С. Пушкина в школе. На пути к А.С.Пушкину. Пособие для учителя и учащихся. В 2 ч. – М.: Владос, 1999. – Ч.І.